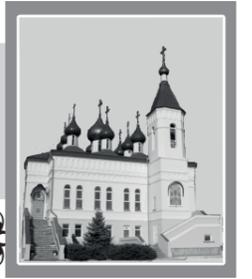

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

СЛОВО ПАСТЫРЯ

подлинную свободу?

Чтобы меньше грешить, нужно меньше говорить – *silendo nemo peccat*. Молчать совсем – это то же, что уйти от людей, поскольку пребывание в мире людей предполагает неизбежное общение, приравнивание, подлаживание друг под друга, скрытый обмен грехами и добродетелями. С людьми, не желающими спастись, невозможно спастись. Поэтому великий Арсений услышал: «Арсений, бегай людей, и спасёшься».

Когда человек не ест или почти не ест, он ослабляет связь с землёй и всем видимым миром. Через чрево, грубо сказать, через брюхо мы связаны с «этим миром», как через пуповину – с матерью. Пост – это перерезание пуповины, попытка выхода в самостоятельное личное бытие. Уйти от людей, чтобы не грешить, и не есть, чтобы не рабствовать у стихий – вот, вроде бы, и монашество. Однако – ещё нет.

Древние многое поняли, ещё больше ощутили, но не сумели высказать. И бегство от мира, и воздержание с молчанием были им понятны и ими похвалены. Однажды стоики спросили иноков (дело было в Египте), в чём между ними разница. Ведь не женаты, бедно одеты и постятся как те, так и эти. Иноки сказали: «Мы уповаем на Бога и пребываем в благодати». Стоики смиренно сказали: «Этого у нас нет».

Можно гордо уйти от людей, буквально плюнув в их сторону на прощанье. Можно из гордости ни с кем не общаться. Может быть, это будет бесовский подвиг. Может, бес не будет нападать на такого отшельника, но будет с ним незримо беседовать, подбрасывать «глубокие мысли».

Вопросы священнику

О ношении женщинами брюк писалось и говорилось уже много. Но вот, что смущает: юродивые внешнему виду не придавали никакого значения. Ксения Петербургская называла себя именем своего мужа и ходила в его одежде, Василий Блаженный ходил нагишом в любую погоду (так же икона его показывает). Примерам этим несть числа... И вместить это противоречие я не могу. Меня вынуждает носить брюки высокая стоимость колготок и их недолговечность. В церковь в них я не хожу.

Юродивые под личиной мнимого безумия прятали дар чудес и высокую мудрость, чтобы их не прославляли люди. Поведение, вызывающее осуждение и насмешки, помогало им жить среди многолюдных городов, как в пустыне. А мы с вами не творим чудес, потому бояться похвал нам нечего. Лучше смиренно подражать юродивым в незлобии и прощении обид, чем в одежде. Думаю, что при желании этот вопрос вы можете решить без особого труда.

В книге «Дыхание жизни» натолкнулся на такую мысль: «Господь свят, а мы грешны, поэтому приближаться к небесному пламени и не опалиться мы можем только через

Уйти от мира нужно ради Бога и ради людей, которых подвижник видимо покидает, но ещё более с ними срачивается в молитве. Молитва нужна. Всё предыдущее – неядение и добровольное одиночество – лишь вспоможение для молитвы. Нет молитвы – нет ничего. И тогда незачем куда-либо убежать, поститься тоже незачем, поскольку это будет бесполезным. Если же есть молитва, или хотя бы зародыш её, тогда остальное приложится.

Молитва даст свободу. Дерзну сказать, что кто не молится, тот никогда свободным не бывал. Свобода перемещений – разве подлинная свобода, если, перемещаясь, человек грешит теми же грехами и мучится теми же угрызениями совести? Свобода потребления – разве подлинная свобода, если желания разгораются и глаза разбегаются, а радость приобретения проходит быстро, как у ребёнка?

Человек свободен от тысячи условностей только в день прощания с условностями. Я по-настоящему свободен в общении с начальником, когда прошение об увольнении уже подписано. Вот теперь я могу (если, конечно, захочу) сказать всё, что думал и о чём молчал.

Какой-то герой Набокова решил застрелиться. И пока он шёл по улице, обдумывая свой дерзкий план, странная мысль посетила его. Он понял, что свободен. Он может делать сейчас всё что угодно. Никто и ничто ему не указ, поскольку он уже решил на радикальный разрыв с этим миром.

Кто любит только этот мир, тот будет его рабом, будет заискивать и заглядывать миру в глазки, рабски выгнув шею. Нужно любить иной мир, чтобы свободно вести себя в этом. Иначе все разговоры о свободе, простите, – глупость, чушь и рабские самооправдания. «Видели, как собака бьющую руку лижет?!»

Какого-то философа в древности упрекали в том, что он аполитичен и совсем не интересуется делами отечества. «Вовсе нет, – говорил он, – я очень интересуюсь своим Отечеством», – и при этом показывал рукой на небо. Сегодня трудно найти христианского священника, который ответил бы подобным образом, а ведь философ был эллином, язычником.

Диоген ходил по рынку с фонарём и го-
покаяние». Сердцем, вроде бы, всё понимаю, а умом не могу. Что значит «не опалиться»? Не навредить себе? Или что-то другое?

Одно из названий Божества – Феос (Теос), что означает «огонь». Огонь дарит тепло и жизнь; но от огня можно обжечься через неосторожное или дерзкое прикосновение. Бог сжигает всякую нечистоту, а нечистота въелась в нас. Поэтому наша относительная чистота заключается в осуждении нашей нечистоты, в её эмоциональном отвержении, в желании исправить жизнь, то есть в чувстве покаяния.

На протяжении всей истории человечества наша планета гибнет под воздействием человеческой деятельности, независимо от каких-либо сил. Какое Ваше мнение?

Наша планета гибнет не просто от человеческой деятельности, а от неразумной деятельности – когда человек чувствует себя не хозяином земли, а завоевателем, и старается эксплуатировать её больше, чем господин своего раба. Грехи человека поражают эгоизм и эгоцентризм во всех формах, и человек обращается к земле только с одним требованием – давай и давай, не думая о завтрашнем дне. Но земля находится под воздействием не только человека, а также светлых и тёмных сил. Решать проблему духовной, нравственной и физической энтропии в какой-либо формуле, мне кажется, будет упрощением этого вопроса.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

ворил, что ищет человека. Этим он давал понять всем слушающим, что они не люди, но в лучшем случае человекоподобные существа. Он изрядно оскорблял тех, кто его видел и слышал. Он их, по сути, называл ишаками или тараканами. Но, во-первых, делал это так, что глупые не понимали. А во-вторых, наказать Диогена было невозможно. Он сам предварительно себя наказал. Ходил голый, жил в бочке и был вечно голодным. Он был свободен от людей, и мог поэтому говорить им обличающую правду.

Подобным образом впоследствии поступали христианские юродивые. Их терпели по необходимости. Будь они хоть в мало-мальски социальном статусе, их бы порвали на части. Ведь православное царство тоже может быть похоже на тюрьму, если никто не говорит властителю правду. Православному царству нужны пустыни, заселённые бесстрашными иноками, и юродивые подвижники на улицах городов. Эти две категории святых наименее уязвимы для власти. Всех остальных, вплоть до патриархов, можно низлагать, душить, травить, опорочивать. Так унизили и изгнали Златоуста, невзирая на святительский сан, народную любовь и подлинную праведность.

Златоуст тоже говорил, что редко видит перед собой людей, но видит существ, подобных людям. Однако упёртых, как ослы, похотливых, как жеребцы, хитрых, словно лисы, и ядовитых, как змеи. И Златоусту этого не простили. Он умер в ссылке, словно корабль, выброшенный волнами на пустынный берег вдали от родины.

Его было чего лишать, Златоуста. С него можно было сорвать ризы, его можно было объявить еретиком, собрать против него Собор, опорочить его имя. Тот, кто высоко стоит, уязвим со всех сторон и открыт любой буре. Тех, кто стоит на высоте, заранее жалко. На вершину свою они должны всходить, как на помост для публичной казни. Только в этом случае они будут способны сказать слова святого Василия, обращённые к префекту Модесту: «Я слаб, и только первый удар будет чувствительным. Я не боюсь изгнания, потому что везде Господня земля. У меня нет имущества. Я не боюсь смерти, поскольку она соединит меня

с Богом».

Получается, что нужно умереть ещё до смерти, чтобы пришедшую смерть встретить мужественно. Платон так и говорил. Философия, говорил он, учит не столько жить, сколько умирать. Эти древние, как ни крути, поняли очень многое. Не зря отцы Церкви перепахали свои ум и сердце плугом философии, прежде чем засеять их семенами Евангелия. И Василий Великий с Григорием Богословом, находясь в Афинах, посещали не только храмы, но и училища. Как затем учил Василий, они, подобно пчёлам, садились не на всякий цветок. С того же, на который садились, не всё с собой уносили. Они были жадны к знаниям, но избирательны. Не будь их ум обогащён всем, чем они сумели обогатиться, они стали бы постниками и подвижниками, но никогда не стали бы вселенскими учителями.

Если только учиться, то, чего доброго, к пытливой душе, как к Фаусту, явится Мефистофель. Знаний много, в душе покоя нет. Отчего же ему не явиться? Значит, окна кабинета нужно раскрывать, чтоб слышен был пасхальный перезвон. И выходить из дома надо хотя бы раз в неделю на литургию. Тогда жизнь сердца уравнивает жизнь ума, и можно будет не бояться крайностей.

Всё нужно душе испробовать понемножку. Нужно бежать от людей и нужно, со временем, к людям возвращаться. Нужно молиться, отказавшись от еды и воды, и нужно затем опять есть и пить, ощущив, что ни молиться, ни поститься ты толком не умеешь. Нужно приобретать свой внутренний опыт, а затем проверять его по книгам святых людей. Иногда ничего, кроме Псалтири и Евангелия, читать не надо. А временами хорошая книга, прочитанная или перечитанная – неважно, должна дать душе покой и тему для раздумий.

Древние – они ведь никакие не древние. Они современники наши, и даже собеседники. Одни и те же задачи решают от века люди, произведённые от одной крови для обитания по всему лицу земли. И вся задача их – в поиске Бога, «не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас» (Деян. 17, 27).

Протоиерей Андрей Ткачёв

Мысли на воскресное Евангельское чтение
Свт. Феофан Затворник: «Гадаринский бесноватый по исцелении своим прилепляется к Господу и желает быть с Ним всегда; затем, услышав волю Его, идет и проповедует о благоденствии, им полученном, по всему городу. Благодетель привлекает, воля Его становится законом для облагодетельствованного, и язык не может удержаться, чтоб не возвещать о том, что получено от Него. Если бы мы не имели в памяти всех благ, полученных и получаемых от Господа, то не было бы между нами неблагодарных, не было бы нарушителей святой воли Его, не было бы таких, которые не любили бы Его более всего. В крещении мы избавлены от прародительского греха и всей погибельности его; в покаянии постоянно омываемся от грехов, непрестанно прилипающих к нам. Промышлением Божиим охраняемся от бед, нередко невидимых для нас самих, и получаем направление жизни наиболее безопасное для нас и благоприятное целям нашим; да и всё, что имеем – всё от Господа. Потому-то нам следует вседушно принадлежать Господу, во всё исполнять волю Его и прославлять имя Его пресвятое, а наипаче жизнью и делами, чтоб не быть хуже гадаринского бесноватого, который сразу оказался настолько мудрым, что стал достойным примером подражания для всех...» (Лк. 8, 26-39.)

03.11.2018. П. Порошенко и Константинопольский Патриарх подписали договор о сотрудничестве. Патриарх Варфоломей после подписания соглашения заявил: «Я уверен, что решение об автокефалии приведет к единству и объединению всех православных в Украине».

05.11.2018. Армения отказала активистам в проведении «форума ЛГБТ-христиан».

06.11.2018. В Греции перестанут платить священникам государственную зарплату. По соглашению, заключенному премьер-министром страны Алексисом Ципрасом и председателем Элладской Православной Церкви Архи-

НОВОСТИ епископом Иеронимом, государство отныне один раз в год будет перечислять субсидию в специальный церковный фонд для зарплат священнослужителей.

07.11.2018. 3 000 церквей Египта до сих пор не получили разрешение легализовать свои здания.

08.11.2018. Порошенко потребовал от представителей РПЦ покинуть Украину. В Московском Патриархате, комментируя заявление Порошенко, отметили, что никаких представителей «Российской Православной Церкви» на Украине нет, а каноническую Украинскую Православную Церковь поддерживает подавляющее большинство украинцев.

«Сила молитвы» и другие рассказы

Межавторский сборник

Продолжение. Начало в № 6 (451)

Все перекрестились и затаили. Долго стояла тишина. Потом староста Агриппина Степановна подошла и поцеловала Антонину в щеку. Прижала к себе и всплакнула:

— Какая жизнь... Как мы, бабоньки, жили. А матушка твоя... Мы и не знали.

— Дак она тогда не в нашем районе жила, — стала опять перебирать Валентина.

— Надо бы нам, сестры, подумать. Каяться не умеем, так что-то хорошее надо делать, — продолжала староста.

— Вон у Марины Берестовой дети оборванцы. Неужто не найдем, чем им срам прикрыть?

— Дак Маринка пьяница, — фыркнула Валентина.

— А дети-то при чем? Я вот пойду соберу одежду для них.

— Да мало ли народа бедствует? Давайте и к Ольге Дувахиной заходить. Ведь болеет давно.

— Дак она ж ведьма. И не скрывает. К ней пойдешь — она такого тебе нацепляет, — опять возмутилась Валентина.

— Нет, бабоньки, чтоб церковь наша действительно была не клубом, а домом Божиим, давайте делать добрые дела, — сказала Антонина.

— А у нас денег дай Бог до пенсии дотянуть, — опять огрызнулась Валентина.

— Да чего ты-то нудишь? Много ли нам, старухам, надо? Овощ свой. Одну-другую консерву купила — и хватает, — отмахнулась Степановна.

— А мяса купить, — не успокаивалась Валентина.

— По нашим годам уже давно пора от мяса отказаться.

— А хоча порой.

— Хотца — перехотца. Вот и сотвори малый подвиг. Перетерпи. А денюжку на бедных. Да и не полезно мясо-то.

— Да что вы про мясо-то, — перебила их Антонина. — У нас батюшка копейки получает. А у него пятеро. В Москву ездит на требы. А шутка ли — мотаться? Без семьи. И дорога денег стоит. Давайте ему больше помогать.

— Дак помогаем. Я вон всегда на канун то картошки, то моркошки.

— Моркошки. Надо чего-то посущественней. Давайте думать. Вон у Романовны сын в Питере большой начальник по строительству. Надо уговорить ее настроить сына, чтоб он десятину на наш храм да на батюшку высылал.

— Дак десятина-то, поди, миллионом запахнет.

— Да хоть триллионом. Он, стервец, первым хулиганом был. А родина ему бесплатно образование дала. Выучился на народные деньги. Пусть совесть имеет, — выпалила Валентина.

Тут уж отец Олег не выдержал и вышел из алтаря. Все ахнули.

— Батюшка, вы ведь ушодцы. Когда ж вы вернулись?

— Ушодцы — да пришодцы, — улыбнулся отец Олег. — Вы так склонились над Агриппиной Степановной и увлеклись, что не заметили меня. А я вдоволь стенок — да в алтарь.

— Так вы все слышали?

— Каюсь, слышал.

— Стыд-то какой. Мы ведь про блуд наш сказывали.

— Про это мимо ушей пролетело. А вот про мать да чемодан с кирпичами слушал затаив дыхание. Очень меня эта история тронула. А насчет ведьмы — не спешите судить. Может, это наговоры.

— Да какие, батюшка, наговоры. К ней вся губерния ездит. Заговоры-приговоры. Колдует она. И помереть не может. Ей уж давно за восемьдесят.

— Какие восемьдесят! Ей уж девяносто.

— И все-таки... Где она живет? Надо зайти. Может, покается.

Степановна принялась объяснять, как найти избу Дувахиной. А Валентина с Антониной стали шептаться: «Вот срам-то. Слышал все!»

— Да не слышал. Сам же сказал. Да и неинтересно про блуд устаревших бабок слушать.

Повздыхали. Отец Олег повернулся к Антонине:

— Как звали вашу матушку?

— Феклой.

— Редкое нынче имя. Будем молиться о Фекле. И в нашем братце Яшеньке.

Антонина ухватила батюшкину руку и крепко поцеловала ее.

— Спаси вас Господи, батюшка.

Отец Олег помолчал немного.

— Да, рассказали вы историю. У Стендала и Золя такое не найдешь.

Он попрощался. Благословил своих прихожанок. Сегодня он делал это с большим чувством: медленно, задерживая на несколько секунд пальцы у лбов, покорно склонившихся перед ним. И, как никогда прежде, почувствовал сильное сострадание и любовь к этим бедным женщинам. Какая великая милость дарована ему Господом — утешать эти переполненные горем души, наполнять их надеждой на прощение.

Он остановился на площадке перед храмом, недавно застеленной бетонными плитами — остатками стен разоренной птицефермы. Справа под древними соснами виднелись могилы с пирамидками, наверху которых торчали серые, некогда красные, звезды. Были и могилы с крестами — деревянными и металлическими, сваренными из водопроводных труб. Перед центральной аллеей еще недавно возвышался памятник герою Великой Отечественной войны, уроженцу села Сосногорского. Теперь он словно уменьшился в размерах и был загорожен махиной из черного мрамора — плитой с изображенным во всю ее высоту конем. Конь словно выбежал из черных дымчатых далией и замер под портретом известного на всю округу цыганского барона.

Отец Олег перекрестился на храм и пошел по тропинке к своим стареньким «жигулям».

А в храме три подруги говорили о том, что с батюшкой им все же повезло. Какой он умный и сердечный. И теперь они будут ему усердно помогать.

Валентина поклонилась распятию, выпрямилась и вдруг грузно упала, рыдая в голос. Утешали ее долго. А потом и сами разревелись. Валентина успокоилась первой. Она сняла платок, утерла им слезы.

— Ну, Тонька, собака некусаная. Довела!

Потом громко шмыгнула носом и удивленно произнесла:

— А чего это он в конце сказал про золу? Где он ее увидел? Все в храме чисто. Да и печку уж два месяца не топили.

ВЛАДИМИР ЩЕРБИНИН

«Попробуй, но знай...»

Об отце Василии Ермакове

Автор учился иконописи в Псково-Печерской Успенской обители, сценарному ремеслу — во ВГИКе, а жизни — на приходах Тверской и Псковской епархий, где в 1980-х служил сторожем, чтецом, просфорником, дворником и т. п.

С тех пор он снял около восьмидесяти документальных фильмов, создал иконописную мастерскую в Сретенском монастыре, воспитанники которой расписали более восемнадцати храмов в России, Польше, Сербии, на Украине...

Совмещая роспись храмов с работой в кино и театре, с писательством, начал делиться воспоминаниями, написав цикл коротких историй.

Наша встреча с отцом Василием случилась в начале 1980-х в Петербурге, в Великий пост. Я любил бывать на Серафимовском кладбище, где в уютной деревянной церкви служил странный, как мне тогда казалось, священник. Он все время шутил и балагурил, даже во время богослужения. Меня это вначале смущало.

Однажды мы встретились с ним в трамвае. Отец Василий обрадовался, будто мы были знакомы сто лет, и попросил сопроводить его со Святыми Дарами. Старушка-причастница жила где-то далеко в новостройке. Мы ехали очень долго, и за это время, кажется, рассказали друг другу всю свою жизнь. Я узнал, например, что он был в немецком лагере в Эстонии и что его с сестрой освободил отец Михаил Ридигер — отец будущего патриарха. Значительно позже отец Василий показал мне фотографию двух семинаристов, где на обратной стороне было написано: «Лучшему другу Васе от Алешки». А чуть ниже приписано зеленым фломастером: «Подтверждаю. Патриарх Алексей Второй».

Еще будучи семинаристом Василий каждую неделю ездил к отцу Серафиму Вырицкому. Я, конечно, стал выпытывать про разные чудеса и все в таком роде. Но отец Василий с ходу охладил мой пыл: «Не было чудес! Он просто сам

был — живое чудо. От него исходил осязаемый свет. Придешь к нему, поговоришь о погоде, природе, а душа наполняется, будто ты целое Евангелие прочитал. Святость, братец, не в словах или чудесах заключается. Святость — она в духе, который исходит от святого, и ты это чувствуешь ясно и радуешься, будто ребенок. Потом это семя внутри тебя падает и растет, растет... И ты уже не можешь жить как все, понимаешь?»

Я, конечно, по молодости лет не понимал тогда многого. Я и теперь многого не понимаю. Единственное, что я понял, так это то, почему люди, общаясь с отцом Василием, всегда улыбались. Тот свет, который он принял от святого Серафима Вырицкого, наполнил его сердце и теперь распространялся на всех, кто с ним общался.

И всем было хорошо...

После кончины моего духовника, отца Александра Козлова, я долго маялся в поисках нового наставника. Мои друзья-монахи советовали найти старца в монастыре. Но к знаменитым старцам я не попал из-за своей тогдашней нерешительности и робости.

Тогда я вернулся в Питер, поехал в Серафимовский храм и заявил отцу Василию со всей прямоотой: «Будьте моим духовным отцом!» Нужно сказать, что я раньше часто советовался с батюшкой по разным вопросам и всегда получал доброжелательный и ясный ответ. В этот раз он задумался, ответил не сразу и был осторожен. Он сказал, что настоящее духовничество может быть только в монастыре, когда послушник ежедневно открывает своему авве помыслы. А в миру может быть только «советничество» (так он выразился). Он готов быть моим «советчиком» в тех вопросах, где более опытен. Таковым он и был мне до конца своих дней.

Он никогда не говорил мне: «Делай так, а так не делай». Он говорил: «Попробуй, но знай, что от этого могут быть такие-то и такие последствия». Он, например, очень сдержанно отнесся к моему желанию поступить в монастырь: «Попробуй...» А через два года, когда я, пожив в Псково-Печерской обители, из нее ушел, внимательно посмотрел в глаза и похлопал по плечу: «И правильно сделал!» И только через полгода, когда я уже более-менее пришел в себя, сказал: «Хорошо тебе там было. Надо было потерпеть...»

Было время, когда я не мог ходить в церковь. Меня там все раздражало — и певцы, и священники, и даже запах ладана. У меня хватило сил, чтобы добраться до отца Василия. И он так радостно говорит: «А ты в церковь не ходи, ты ко мне приезжай! Чайку попьем, погуляем...»

Я приезжал к нему почти каждый день. Мы гуляли по кладбищу, он останавливался почти у каждого креста и рассказывал про жизнь человека, лежащего здесь. Мы говорили о чем угодно: о погоде, о политике, о кино, даже о первой влюбленности. Иногда просто сидели на скамейке и смотрели на весну.

Через пару месяцев я вернулся в храм. Отец Василий объяснил мне, что такое происходит почти со всеми, кто искренне пришел в Церковь. «Это как в браке: сначала все забываешь от любви, а потом начинаются будни и сердце остывает. Это не значит, что кончилась любовь. Это значит, она стала более спокойной, зрелой, глубокой. Вера тоже имеет свои этапы, свои испытания. Господь то приближается, то удаляется от нашего сердца. Но ты всегда помни дни первоначальные, когда ты вошел в храм. Помнишь, как горело твое сердце? Ты готов был отдать свою жизнь за Христа. Это и есть момент истины. Всегда его храни в своей памяти, и никогда не отпадеешь от воды Жизни. Что бы ни случилось...»

Наши отношения не были идеальными. Мы часто спорили по житейским или политическим вопросам. Я от рождения упрям, отец Василий — тоже не подарок. Однажды он с внуком отдыхал на берегу озера. Рядом подростки ругались матом. Батюшка сделал им замечание, потом еще одно. А на третий раз взял каждого за шкуру, отнес подальше и сделал им такое внушение, что их будто ветром сдуло.

Самый серьезный конфликт произошел у нас в октябре 1993 года. Я приехал в Питер на похороны Саши Сидельникова, которого убили перед Белым домом в Москве, и зашел к батюшке. Я был зол и взвинчен до предела теми событиями, которые произошли накануне в столице. Отец Василий возьми и скажи: «Правильно сделали, что подавили, а ты бы опять коммунизм победил». И тут меня понесло...

Продолжение следует

ОТЕЧНИК

Говорил авва Илия: «Если вы увидите в ближнем какой-либо соблазн даже собственными глазами, или услышите о нем, — не верьте. Храните вашу мысль от дурных мнений о ближнем, зная, что приносят их демоны, чтоб отвлечь ум от зрения своих согрешений и от устремления к Богу».

Авва Иракий поведал: «Некоторый старец жил в идоальском капище. Пришли к нему демоны, говоря: «Уйди из нашего места». Старец отвечал: «У вас нет места». Демоны начали разбрасывать его ветви; старец терпеливо собирал их. После этого демон, взяв его за руку, повлек из капища. Когда он дотащил старца до дверей, старец другою рукою уперся в дверь и воскликнул: «Иисусе! Помоги мне!» Демон тотчас убежал, а старец начал плакать. Господь сказал ему: «О чем ты плачешь?» Старец отвечал: «Плачу о том, что демоны дерзают владеть человеком и так поступать с ним». Господь сказал ему: «Ты был нерадив. Когда же ты взыскал Меня, — видишь, как Я скоро предстал тебе»».

Авва Исаак Сирский говорил: «Постарайся войти во внутреннюю клеть твою и узришь клеть небесную. И первая и вторая — одно: одним входом входить в обе. Лестница в Небесное Царство находится внутри тебя: она существует тайно в душе твоей. Погрузи сам себя в себя от греха, и найдешь в себе ступени, которыми можешь совершить восхождение».

Еженедельное издание православного прихода храма Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор — настоятель архимандрит Иоанн (Данилеску). Выпускающий редактор — иеродиакон Давид (Дьяченко). Наш адрес:

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

11 ноя., вс. — Неделя 24-я по Пятидесятнице. Прмц. Анастасии Римляныни (III). Прп. Авраамия затворника и блж. Марии, племянницы его (ок. 360). Прп. Авраамия, архим. Ростовского (1073-1077). Прп. Анны (826).

12 ноя., пн. — Сщмч. Зиновия, еп. Егейского, и мц. Зиновии (285). Апп. от 70-ти Тертая, Марка и иже с ними (I). Сщмч. Маркиана, еп. Сиракузского (II).

13 ноя., вт. — Апп. от 70-ти Стахия, Амплия, Урвана, Наркисса, Апеллия и Аристовула (I). Мч. Епимаха (ок. 250). Прпп. Спиридона и Никодима, просфорников Печерских, в Ближних пещерах (XII). Прп. Мавры (V).

14 ноя., ср. — Бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана и матери их прп. Феодотия (III). Сщмчч. Иоанна епископа и Иакова пресвитера (ок. 345).

15 ноя., чт. — Мчч. Акиндина, Пигасия, Аффона, Елпидифора, Анемподиста и иже с ними (ок. 341-345). Прп. Маркиана Киринейского (388).

16 ноя., пт. — Мчч. Аксима епископа, Иосифа пресвитера и Аифала диакона (IV). Прп. Аксима (IV). Прав. Снандулии (IV).

17 ноя., сб. — Прп. Иоанникия Великого (846). Сщмчч. Никандра, еп. Мирского, и Ермея пресвитера (I). Прп. Меркурия Печерского (XIV).

г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/> Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 100 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!